Город в Кедах

Приключения Камили Ализаде и её друзей в Баку

Книга Первая

Ализаде Насиба Александровна
(Прохорова Людмила Александровна)

Насиба Ализаде

Город в Кедах. Приключения Камили и ее друзей в Баку!

«Автор»
2026

Ализаде Н. А.

Город в Кедах. Приключения Камили и ее друзей в Баку! /
Н. А. Ализаде — «Автор», 2026

Книга Первая из Шести книг.Серия приключенческих рассказов о девочке по имени Камиля Ализаде,которая приехала к себе на родину в Азербайджан, в родной город Баку и знакомится тут с местными ребятами. А когда она немного подросла,ей стало интересно познакомиться с ребятами и из других регионов ее огромной родины Азербайджанской Республики.Ализаде Камиля Александровна- родилась 24 июля 2017 года в Саратовской области,дочь известной российской поэтессы азербайджанского происхождения Ализаде Насибы Александровны.Она приехала навсегда с семьёй в Азербайджан из России,города Энгельс Саратовской области,где и родилась,хотя является гражданкой Азербайджанской Республики.Тут она начинает познавать быт и культуру азербайджанского народа,знакомиться с друзьями и бывшими работниками ее бабушки- известным Эмином Салхаб оглу Мамедовым(ОАО Азерхалча),Салхабом Иса оглу Мамедовым(скульптор и художник).

© Ализаде Н. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Посвящение 6
Предисловие от автора. От Баку до Шуши 7
Утро с ветром в волосах 14
Балу нашёлся, или как мальчик Али нашел новых друзей! 21
Ветер,который уносит ноты 40
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Город в Кедах. Приключения Камили и ее друзей в Баку!

Посвящение

Посвящение

Я посвящаю эту книгу первому Президенту Азербайджанской Республики, Общенациональному Лидеру Гейдару Алирза оглу Алиеву и его многоуважаемой супруге Зарифе Азиз гызы Алиевой за их колоссальный труд на благо Азербайджанской Республики в сфере Просвещения их маленьких граждан. Всем детям Азербайджанской Республики — от Нахчывана до Хачмаза, от Шеки до Лянкярана, от Гянджи до моего родного Баку, от Барды до Физули, от Агдама до Зангилана.

Особая строка — детям Карабаха.

Вам, кто вернулся домой. Вам, кто впервые через столько лет разлуки увидел горы Шуши, вдохнул воздух Ханкенди, пробежал в кедах по новым улицам Агдама и Зангилана. Вы — наше возвращенное детство. Вы — наше сбывшееся!

И всем детям Земного шара — потому что у детства нет границ, а у дружбы нет виз. Пусть каждый ребенок, где бы он ни жил, узнает себя в Камили — девочке в кедах, которая верит, что город — это большая книга приключений.

Цитата: Дети – завтрашний день общества. Наша главная задача – подарить им надежное будущее под ясным небом. Всесторонняя забота о детях является неотъемлемой частью государственной политики в нашей стране, и это одна из неоценимых заслуг великого лидера Гейдара Алиева. В этом направлении проделан и проводится ряд важных работ. Наши дети имеют все возможности получать качественное образование, развивать свои способности и раскрывать таланты. **Президент Азербайджанской Республики, Верховный Главнокомандующий Ильхам Гейдар оглу Алиев**

Предисловие от автора. От Баку до Шуши

Дорогой мой читатель!

Если ты держишь эту книгу, значит, ты уже в нашей команде. В команде тех, кто не проходит мимо.

Эта книга родилась не за столом. Она родилась в Зимнем парке Баку — Qış Parkı, где пахнет книгами и хлебом, где Гилавар качает чинары, где мама с термосами пытается догнать детей на велосипедах. Эта книга родилась на бульваре, где Каспий бросает в лицо соленые брызги. У Девичьей башни, которая помнит все тайны. Под Flame Towers, которые светятся ночью, как три маяка для мечтателей.

Но дописывалась она сердцем, которое давно в Карабахе.

Я не могла написать книгу про Азербайджан и не написать про Карабах. Потому что Азербайджан без Карабаха — как скрипка Сары без смычка. Звук есть, а полета нет. Карабах - это Азербайджанская Республика!

Камиля Ализаде — это не просто девочка на розовом велосипеде с корзинкой. Это каждый из нас. Та самая, что заметила белое перышко в сачке, когда другие прошли бы мимо. Та, что услышала, как плачет скрипка Сары в Зимнем парке. Та, что не побоялась обнять сразу и футляр, и смычок, и подругу.

Балу — наш золотистый хвостик, который первым находит чудеса, потому что у него чуткий нос на добро. Али с сачком, Лейла с блокнотом, Эмин на самокате — это твои друзья со двора.

А в моих мечтах Камиля уже мчит по дороге Победы — в Шушу. Я вижу это так ясно: она бежит в тех же кедах по Джыдыр-дюзю, где ветер Гилавар встречается с ветром из Ханкенди. Али поднимает сачок не за перышком, а за нотой, которая 30 лет летала над Карабахом и ждала детей. А Сара играет «Полет шмеля» на шушинской скале, и ей подпевает весь Карабах. Потому что Шуша — это и есть город звуков. Город, где родился наш мугам, где родился Бюльбюль и Узеир Гаджибейли.

Мой маленький караван выехал из Баку, из Ичяри Шэхэря, проехал через весь Азербайджан и остановился в Шуше. Там, где дети в кедах уже бегают наперегонки с ветром.

Мое теплое напутствие тебе, маленький но большой сердцем человек:

1. **Замечай**. Замечай перышки, записки, чужие слезы и чужую радость. Мир полон подсказок для внимательных.

2. **Не проходи мимо**. Если видишь, что кто-то потерял смычок, мечту или веру — помоги найти. Иногда для этого нужно просто вместе побежать быстрее ветра.

3. **Помни и возвращай.** Помни Баку, помни Шушу. Помни Девичью башню и Шушинскую крепость. Это две башни одной души. Возвращай не только дома, а возвращай звуки, игры, дружбу. Пусть в Шуше снова зазвенят детские голоса.

4. **Люби свой город**. Неважно, Баку это или Шуша. Твой город оживает, когда ты надеваешь кеды и выходишь искать приключения. Он становится — Город в Кедах. От моря до гор.

Беги, крути педали, лови ветер сачком. Я — мама Насиба — машу тебе вслед с термосом в руках и с четвертым вздохом: «Ну вот, опять. Опять нашли. Мой город в Кедах»

Твоя Ализаде Насиба Александровна (Прохорова Людмила Александровна. Мама Камили.

Баку — Шуша, 2026

Стихотворение

«Город в Кедах. Приключения в Баку»

Где Каспий в кедах бегает к причалу,
Где башни Flame горят, как три свечи,
Там девочка Камиля мчит по-малу,
А рядом — друг и песик, и мячи.

Есть велик розовый,плетёная корзинка,
В корзинке — хлеб и книжка про Баку.

Но в сердце — карта, тонкая тропинка,
Что вьется до Шуши и в горную строку.

Мы мчимся по бульвару, мимо башни,
Сквозь запах хлеба, книг и старых карт,
А гилавар нам в спину шепчет: «Страшно?»
А мы в ответ: «Нам страшно — только врозь!»

Нас встреча ждёт перед фонтаном в Зимнем,
Там скрипка Сары плачет — всё всерьез!
И мы бежим, как шмели, ураганом,
Чтобы нашелся звук, что не отринем.

Нашли! И Сара снова миру заиграла,
И закружились дети у воды.
И мама Насиба им тихо прошептала:
«Наш город в кедах, тут сбываются мечты».

А дальше — путь. Дорогою Победы.
К Агдаму, Физули, и в Зангилан.
Сердца всех деток бьются в унисон:
«Мы едем в Карабах! Теперь не сон!»

И вот Шуша! Джыдыр-дюзю! И скалы!
Мугама эхо тут живет в веках.
Там Камиля снимает шлем устало,

И хлеб поставит на родной очаг.

Когда в груди — любовь к родному краю,
Азербайджан — единственный наш,знаю!
И на весь мир споют вам наши дети:
Мы - Карабах, Азербайджанцев земли эти!

Автор стихотворения: Ализаде Насиба Александровна (Прохорова Людмила Александровна),2026 год,31 октября, поселок Говсаны, Сураханский район,полуразрушенный частный дом.

Утро с ветром в волосах

Камиле девять. У нее пшеничного цвета косички,царапина на коленке и самый быстрый велосипед во дворе на улице Самеда Вургуна в Баку.

А еще у нее есть кот Серый.

Вообще-то он не совсем серый. Если присмотреться, на боках у него видны полоски, как у маленького тигра, а на груди — белое пятнышко в форме сердца. Но Камиля назвала его Серым в тот самый день, когда нашла его под скамейкой возле их подъезда. Был март, дул хазри — знаменитый бакинский ветер, — и маленький комочек дрожал и был точно такого же цвета, как небо над Каспием перед дождем.

С тех пор прошло два года. Теперь Серый — главный в доме. Он спит на подушке Камили, ворует ее заколки и презрительно смотрит на ее велосипед. Велосипед он не одобряет. Потому что когда Камиля на велосипеде, ее нет дома. А когда ее нет дома, некому чесать ему за ухом.

Каждое утро у Камили начиналось одинаково. Сначала — шум. Не будильник. Будильники для слабаков. Ее будил хазри, который свистел в щели старого окна, и Серый, который трогал ее лапой за нос. Мол, вставай, человек. Мне скучно. И кормить меня пора.

Сегодня было воскресенье. А значит — можно кататься.

Камиля спрыгнула с кровати, быстро заплела косички и выглянула в окно.

Баку уже проснулся. За окном шумели машины, внизу тетушка Севда развешивала белье, а вдали блестело море. И главное — деревья почти не качались. Это значит, хазри сегодня ленивый. Идеальный день для велика.

Она натянула любимые синие шорты, футболку с космонавтом и кеды с развязанными шнурками — завязывать их было некогда.

— Серый, я на улицу! — крикнула она коту, который как раз устроился на подоконнике и делал вид, что ему все равно.

Серый даже ухом не повел. Только хвост дернулся. Перевод: «Ну иди. Я тут посплю. Может быть».

Камиля схватила свой шлем — мама заставила поклясться, что без него она даже к лифту не подойдет — и выскочила из квартиры, перепрыгивая через две ступеньки.

Ее розовый велосипед ждал ее у входа в подъезд, пристегнутый на замок. Замок был с кодом месяца рождения Камили — июль Легко запомнить, сложно забыть.

Она щелкнула замком, села на сиденье и оттолкнулась ногой.

Педали закрутились. Ветер — теперь уже не хазри, а свой, собственный, от скорости — ударил в лицо. Мир стал быстрым и звонким.

У Камили был маршрут. Сначала — три круга вокруг их двора, чтобы поздороваться с дядей Рафиком из гаража и с воробьями у фонтана. Потом — аллея. А если повезет и мама не будет звонить каждые пять минут, можно доехать до Приморского бульвара и посмотреть на корабли.

Сегодня ей почему-то казалось, что день будет особенным. Может, из-за того, как солнце отражалось в окнах высоток. А может, из-за того, как Серый посмотрел на нее перед выходом. Не презрительно, как обычно. А как-то… внимательно. Будто знал что-то, чего не знала она.

Камиля сильнее нажала на педали. Велосипед рванул вперед, а за спиной остался двор, Баку и кот с белым сердечком на груди, который с подоконника четвертого этажа смотрел ей вслед.

Он точно что-то знал.

Камиля сильнее нажала на педали. Велосипед рванул вперед, а за спиной остался двор, Баку и кот с белым сердечком на груди, который с подоконника четвертого этажа смотрел ей вслед. Он точно что-то знал.

Три круга вокруг двора Камиля сделала за рекордные две минуты. Дядя Рафик даже присвистнул из гаража:

— Э, чемпионка! Куда летишь?-крикнул дядя Рафик .

— На бульвар! — крикнула Камиля, не сбавляя скорости. Воробьи у фонтана шарахнулись в стороны от ее звонка. Дзинь-дзинь! Это значило «всем привет и разойдись».

До аллеи она долетела как на крыльях. Пшеничные косички растрепались и выбились из-под шлема, щекотали шею. Хазри сегодня и правда был ленивый, но свой ветер от скорости Камиля любила больше всего. Он выдувал из головы таблицу умножения, замечания от учительницы и все «нельзя».

На аллее было пусто — только бабушки с колясками и дедушка с газетой на скамейке. Камиля объехала лужу, оставшуюся после вчерашнего дождя, и тут заметила ее.Бумажку. Ярко-желтую, прилипшую к мокрому асфальту.

Камиля нажала на тормоз так резко, что заднее колесо проехало по листьям. Она спрыгнула с велосипеда и подняла находку. Это было объявление. На нем кривыми буквами, явно детской рукой, было написано:

«ПОТЕРЯЛСЯ! Щенок. Откликается на Балу. Рыжий, одно ухо висит. Нашедшему — награда: моя коллекция камней с моря. Звонить Али, 050...»

Дальше номер размыло водой.Камиля огляделась. Никаких щенков. Никаких Али. Только дедушка с газетой.

-Вы не видели тут щенка?-спросила Камиля и показала дедушке клочок обьявления.

Тот покачал головой:

— С утра тут бегал один. Маленький, как варежка. В сторону бульвара понесся. - фи продолжил читать газету.

Туда, куда она и собиралась.Сердце у Камили забилось быстрее, чем педали. Особенный день? Вот он!

Она запихнула мокрое объявление в карман шорт, запрыгнула на велосипед и крикнула дедушке «спасибо!».Теперь у нее была цель.

До Приморского бульвара она долетела за десять минут. Солнце уже поднялось высоко и жарило, Каспий блестел так, что болели глаза. Людей стало больше: туристы с мороженым, мамы с детьми, парни на самокатах. И где тут искать щенка размером с варежку?

Камиля медленно ехала вдоль парапета, заглядывая под каждую скамейку. Ноль. Она уже хотела расстроиться, как вдруг услышала тоненький скулеж. Из-за большого куста самшита. Она бросила велосипед прямо на дорожку и кинулась туда. Там, в тени, дрожа всем телом, сидел он. Рыжий комочек. Одно ухо стояло торчком, второе смешно висело. И смотрел он на Камилю такими глазами, будто она — это весь мир.

— Балу? — тихо позвала Камиля. Хвостик стукнул по земле. Раз. Другой. Вот почему Серый так на нее смотрел утром. Он знал. Коты всегда все знают.

Камиля села на корточки и протянула руку. Щенок сначала понюхал, а потом лизнул ее поцарапанные пальцы. Язык был шершавый и теплый. Проблема была одна: номер Али размыло. Как его теперь найти?

Камиля вздохнула и посмотрела на море. Потом на щенка. Потом на свой велосипед.

— Ладно, Балу. Поехали ко мне. Серый будет в восторге, — сказала она. И сама не поверила своим словам.

Она сняла шлем, положила его в корзину на руле, а туда же аккуратно устроила щенка. Он поместился идеально, только нос и висящее ухо торчали наружу. Обратно Камиля ехала медленно-медленно. Без ветра в волосах. Чтобы Балу не выпал.

Когда она, запыхавшаяся, вкатила велосипед во двор, тетушка Севда как раз снимала белье.

— Вай, Камиля, кого это ты привезла?

— Это Балу, тетя Севда! Он потерялся. Мне надо найти Али.

Наверху хлопнула форточка. Серый сидел на подоконнике. Он посмотрел сначала на Камилю, потом на корзину с рыжим ухом, потом снова на Камилю. И в его зеленых глазах Камиля прочитала очень ясно: «Я же говорил. Человек, у нас проблемы». Но хвост у него при этом почему-то не дергался презрительно. Он был вопросительно поднят вверх.День и правда оказался особенным. Камиля это поняла, когда зашла в подъезд. В одной руке она везла велосипед, в другой несла шлем с щенком. А на лестнице ее уже ждала мама с телефоном в руке.
— Камиля Александровна! Ты почему трубку не берешь? Я тебе звонила пять раз! И... это что у тебя?! Камиля посмотрела на маму, потом на Балу, который облизал ей нос, и улыбнулась во все свои девять лет.

— Мам, это не «что». Это «кто». И нам очень нужна твоя помощь.

Так закончилось ее воскресное утро.

И началась совсем другая история....

Балу нашёлся, или как мальчик Али нашел новых друзей!

Часть первая. Группа поиска "Город в Кедах".

А в это время в Хатаинском районе города Баку, мальчик Али, который потерял своего щенка ,сидел во дворе своего дома и тихо плакал навзрыд. Он и не подозревал,что в это время в Сабаильском районе девочка Камиля отчаянно ищет хозяина его маленького Балу.

В это время в Сабаильском районе,во дворе Камили Александровны:

Наверху хлопнула форточка. Серый сидел на подоконнике. Он посмотрел сначала на Камилю, потом на корзину с рыжим ухом, потом снова на Камилю. И в его зеленых глазах Камиля прочитала очень ясно: «Я же говорил. Человек, у нас проблемы». Но хвост у него при этом почему-то не дергался презрительно. Он был вопросительно поднят вверх.

День и правда оказался особенным. Камиля это поняла, когда зашла в подъезд. В одной руке она везла велосипед, в другой несла шлем с щенком. А на лестнице ее уже ждала мама с телефоном в руке.

— Камиля Александровна! Ты почему трубку не берешь? Я тебе звонила пять раз! И... это что у тебя?!

Камиля посмотрела на маму, потом на Балу, который облизал ей нос, и улыбнулась.

— Мам, это не «что». Это «кто». И нам очень нужна твоя помощь.

Часть 1. ***Операция «Балу»***

— Вай, Камиля, кого это ты привезла? — тетушка Севда как раз снимала белье во дворе. Она всплеснула руками, и белая простыня, которую она держала, надулась, как парус.

—Это Балу, тетя Севда! Он потерялся! Мне надо найти Али!

Тетушка Севда подошла ближе, посмотрела в корзинку на руле, где в черном шлеме лежал рыжий комочек. Одно ухо у него стояло торчком, второе смешно висело. Он смотрел на тетушку Севду такими глазами, будто она — это весь мир.

— Ай, какой шекер! — сказала тетушка Севда.

Камиля запыхавшаяся вкатила велосипед во двор и поднялась домой. Дома мама Насиба уже не ругалась. Она — мама девятилетней девочки с самым быстрым велосипедом во дворе на улице Самеда Вургуна, она знала, что если Камиля хитро улыбается, то спорить бесполезно.

Балу вылез из шлема и тут же сделал лужу. Маленькую, но очень решительную. Прямо посреди коридора. А Камиля подумала:

"— Он метит территорию! — сказал бы Эмин, если бы был тут.
"— Он боится, — сказала бы Лейла."

Камиля вытерла лужу и налила ему воды в самую большую миску Серого. Кот тут же фыркнул и прыгнул на холодильник,наверняка для того, что бы следить за своим имуществом...

Балу начал лакать так громко, что Серый на холодильнике дернул ухом. Серый вообще не одобрял собак. Особенно таких, которые помещаются в шлем.

— Так, — мама села на стул и посмотрела на Камилю. — Рассказывай по порядку. Кто такой Балу и кто такой Али?

Камиля вытащила из кармана шорт мокрую, почти развалившуюся бумажку. Ту самую, ярко-желтую, прилипшую к мокрому асфальту на аллее.

—Я ехала на аллею, — начала она, и слова полились быстро-быстро, как педали, когда едешь с горки. — На аллее было пусто, только бабушки с колясками и дедушка с газетой на скамейке. Я объехала лужу, которая осталась после вчерашнего дождя, и увидела бумажку.

Ярко-желтую, прилипшую к асфальту.Она разгладила бумажку на столе. Буквы расплылись от воды, но прочитать можно было:

«ПОТЕРЯЛСЯ! Щенок. Откликается на Балу. Рыжий, одно ухо висит. Нашедшему — награда: моя коллекция камней с моря. Звонить Али, 050...»

—Дальше номер размыло водой. Осталось только «050...» и клякса.Я спросила у дедушки с газетой, — продолжала Камиля. — «Вы не видели тут щенка?» А он покачал головой и сказал: «С утра тут бегал один. Маленький, как варежка. В сторону бульвара понесся». И показал рукой туда, куда я и собиралась. На Приморский бульвар....

Мама кивнула.

Сердце у Камили забилось быстрее, чем педали. Особенный день? Вот он!Камиля кивнула. Да, сердце тогда забилось быстрее.

Проблема была одна: номер Али размыло.

Как его теперь найти? — Камиля вздохнула и посмотрела на маму.Мама взяла мокрую бумажку, потом посмотрела на Балу.

Чему-то мысленно улыбнувшись,мама аккуратно взяла его на руки и открыла лямку ошейника.

Заглянув на внутреннюю сторону,мама ещё шире улыбнулась:Там было написано мелкими буквами: `ZOO MARKET XATAI rayonu,Akhmedli`— Хатаинский район, — прочитала мама.

— Ну конечно. Это же улица Сараево 18,около кинотеатра "Баки". Там целый ряд зоомагазинов. И Белый Город рядом.- Камиля вскочила.— Мам! Это же Хатаи! Значит, Али из Хатаи! Поехали туда! Сейчас!

—Сейчас? — мама посмотрела на часы. Было уже шесть часов дня.

Балу спал в корзинке, свернувшись в рыжий бублик, и во сне дергал лапой. Серый спрыгнул с холодильника и сел рядом с корзинкой. Не близко. На безопасном расстоянии. Но сел. Это уже было что-то.

—Мам, ну пожалуйста! — Камиля снова улыбнулась — Он же там плачет! Али! Он же ждет! Он же написал, что отдаст коллекцию камней с моря! Это же самое дорогое, что есть у мальчишки!

Мама Насиба вздохнула. Тем самым вздохом номер три, который означал, что щенок останется.

—Звони Лейле и Эмину, — сказала она. — Группа поиска «Город в кедах» выезжает в Хатаинский район. Но только на автобусе. И только со мной. И только на полтора часа.

Часть 2. Белый Город и черные шнурки

Автобус номер 21 был полон. Воскресенье, все ехали с бульвара домой. Камиля держала корзинку на коленях. Балу проснулся и высунул нос. Одно ухо торчало из корзинки, как перископ. Люди улыбались, глядя на него.Лейла и Эмин ждали их на остановке у парка Сабира, куда их тоже привезли мамы. У Лейлы был рюкзак, а в нем — блокнот, бутылка воды, скотч и фломастеры. У Эмина — самокат, который, как обычно, грохотал, и специальная пачка печенья «для Балу, чтобы он не боялся».— План! — объявила Лейла, как только они сели в автобус, и открыла блокнот на новой странице. Сверху было написано:

"ДЕЛО 2. ОПЕРАЦИЯ «БАЛУ И АЛИ». МЕСТО: ХАТАИНСКИЙ РАЙОН"

— Пункт 1: едем в Хатаинский район!

Пункт 2: обходим все зоомагазины, показываем Балу.

Пункт 3: спрашиваем всех детей во дворах, не знают ли они Али, который потерял щенка.

Пункт 4: клеим объявления, если не найдем.

— А пункт 5? — спросил Эмин.

—Пункт 5 — мороженое, — серьезно сказала Лейла.— Если найдем.

Хатаинский район встретил их ветром. Но не хазри, который свистел в щели старого окна в Сабаильском, а другим ветром — теплым, пахнущим краской, шашлыком и морем, но как-то по-другому. Тут все было новое. Огромные дома Белого Города стояли, как кубики сахара, которые кто-то сложил друг на друга. Широкий проспект Нобеля. А там где раньше были черные заводы, теперь блестел витринами новенький Торговый Центр - Ахмедлы Молл. Тут строили, красили, мыли окна.

— Ух ты, — прошептала Камиля. Она привыкла к своему старому двору на Самеда Вургуна, где каждый камень знал ее имя, где тетушка Севда развешивала белье, а дядя Рафик чинил машины в гараже, где пахло бензином и жасмином. А тут все было... будущее.

— А мне нравится, — сказал Эмин. — Тут можно на самокате гонять, асфальт ровный!

Тут были детские площадки, где кричали дети, и маленькие магазинчики, где продавали все на свете.

Ребята начали обходить зоомагазины.

Первый зоомагазин. Второй. Третий.

—Рыжий? Одно ухо висит? — продавцы качали головами.

— Нет, девочка, таких много. Вчера вот привезли трех рыжих. Сегодня двух. Не помним.

В четвертом магазине "Кусачий Зуб", маленьком, где пахло сеном и где в клетке спал толстый кролик, продавщица, тетя с добрыми глазами, долго смотрела на Балу.

— Подожди, — сказала она. — Одно ухо висит, говоришь? Слушай, сегодня утром забегал мальчик. Часов в десять. Купил корм для щенков, самый маленький пакетик. И все спрашивал, не видел ли кто щенка. Маленький такой, в синей кепке, кепка ему велика. Глаза на мокром месте. Сказал, что щенок с поводка сорвался,испугался мотоцикла.Камиля чуть не подпрыгнула. Корзинка дернулась, и Балу чихнул.

— Синяя кепка! — закричала Лейла и записала:

СИНЯЯ КЕПКА, ВЕЛИКА. 10 УТРА. КОРМ.

— А куда он пошел? — спросила мама Насиба.

— Да куда... — тетя развела руками. — Побежал в сторону парка Ахмедлы. Там его мама, кажется, работает в чайхане. Он все время туда-сюда бегает. Али его зовут кажется. Точно, Али. Он сказал: «Меня мама убьет, если я Балу не найду». Балу! Точно, Балу его зовут! Я вспомнила!Балу!

При слове «Балу» щенок в корзинке поднял голову и гавкнул. Маленьким, но очень уверенным гавком.Группа поиска переглянулась. Это был прорыв!

Часть 3. Парк, где теряются и находятся

Парк в Хатаинском районе был не такой, как Приморский бульвар. Тут не было моря. Тут были огромные старые деревья — чинары, которые помнили еще, когда тут не было Белого Города, а были заводы. Были дорожки, где бабушки гуляли с колясками, и была большая чайхана, где пахло чаем и самсой.

Они бежали туда. Камиля — впереди, с корзинкой, где сидел Балу и уже не спал, а крутил головой, принюхивался. Лейла — за ней, с блокнотом и рюкзаком,который хлопал ее по спине. Эмин — сзади, с самокатом, который грохотал на весь парк, и кричал:

-«Посторонись! Операция Балу!».

У чайханы сидели мужчины и играли в нарды. Пахло дымом и чаем.

— Извините, — запыхавшись, спросила Камиля, — вы не видели мальчика Али? В синей кепке? Он щенка потерял! Рыжего!

Один из мужчин, с усами, как у дяди Рафика, посмотрел на нее.

— Али? Маленький такой, из Гянджи который? Из 14-го дома? Так он с утра тут бегал, весь парк оббежал. Плакал. Потом вон туда побежал, к гаражам. Сказал, что будет ждать, пока Балу сам не придет. Потому что Балу умный.

К гаражам!- сказала Камиля и все они направили ь в сторону,куда указал мужчина

За парком, где кончался новый асфальт и начиналась старая земля, стояли гаражи. Ржавые, с разными замками, с кошками на крышах. Там пахло бензином, как в гараже у дяди Рафика в Сабаильском. И там было тихо. Очень тихо, если не считать криков детей с площадки.И там, на перевернутом ящике из-под помидоров, сидел мальчик в синей кепке,которая была ему велика и он не поправлял каждую секунду. На нем была надета футболка с динозавром, у которого тоже, кажется, было грустное лицо. Шорты и кроссовки, у одного шнурок развязан и лежал в пыли. Он сидел, обхватив колени руками, и смотрел в землю. На первый взгляд ему было девять лет. Как Камиле.

Рядом с ним стояла пустая плетеная корзинка. . И он плакал. Тихо, без звука. Чтобы никто не видел. Слезы текли по его щекам, оставляя дорожки на грязном лице, потому что он вытирал их руками, которыми до этого держался за пыльный забор. Он шмыгал носом и быстро вытирал его рукавом футболки с динозавром, стыдясь.Камиля остановилась. Сердце у нее забилось быстрее, чем педали, когда она летела с горки на бульваре.Быстрее, чем тогда, когда она нашла желтую бумажку на аллее.

Балу в корзинке замер. Его нос-пуговка задрожал. Ухо-антенна встало торчком еще выше. Он принюхался. Сильно-сильно втянул воздух. И заскулил. Не жалобно. А так, как будто узнал.Мальчик поднял голову. Глаза у него были красные, заплаканные, карие, как у Балу.

— Балу? — прошептал он. Голос у него был хриплый от слез и от того, что он весь день кричал «Балу! Балу!».

И тут Балу не выдержал. Он выпрыгнул из корзинки Камили — прямо из шлема, который лежал в корзинке — и рванул. Он летел через пыль, через классики, нарисованные мелом на асфальте, через маленькую лужу, спотыкаясь о свои же толстые лапы, которые еще не научились бегать быстро.

— БАЛУ!!! — закричал мальчик.Это был уже не шепот. Это был крик на весь Хатаинский район. На весь Белый Город. На весь Баку. Крик такой радости, что с гаражей взлетели голуби, а кошки на крышах подпрыгнули. Синяя кепка слетела с его головы и упала в пыль.Щенок прыгнул ему прямо в руки, в грудь. Он лизал ему лицо, щеки, нос, лоб, шею, уши. Мальчик обнял его так крепко, так крепко, будто хотел спрятать его обратно в себя, откуда он выпал утром. Он уткнулся лицом в рыжую шерсть, которая пахла морем и шлемом Камили, и повторял одно и то же, как заклинание:

— Ты нашелся... нашелся... я думал... я думал, тебя машина... я думал, все... я думал, мама...

Камиля подошла ближе. Она тяжело дышала от бега. Царапина на коленке, та самая, с утра, засаднила. Кеды с развязанными шнурками были в пыли Хатаинского района.

— Привет, — тихо сказала она, присаживаясь рядом с ним на ящик из-под помидоров. Ящик качнулся. — Ты Али?

Мальчик поднял голову. Слезы все еще текли, но теперь он улыбался. Улыбался так широко, что было видно, что у него нет одного переднего зуба. И веснушки на носу.

— Откуда вы знаете? — прошептал он, все еще не отпуская Балу, который никак не мог успокоиться и лизал и лизал его. — Откуда вы знаете, как его зовут? И как меня зовут?

— Из жёлтой бумажки, — Камиля вытащила из кармана мокрую, почти развалившуюся желтую бумажку. — «ПОТЕРЯЛСЯ! Щенок. Откликается на Балу. Рыжий, одно ухо висит. Нашедшему — награда: моя коллекция камней с моря. Звонить Али...» А номер размыло. И еще на корзинке наклейка была. Zoo Market, Хатаи.

— Моя коллекция... — Али посмотрел на бумажку и вдруг засмущался. — Я... я ее всю отдал бы. У меня там самый красивый камень, с Гянджи, синий... Я его в реке нашел...Лейла уже писала в блокноте, стоя рядом: НАШЛИ АЛИ! 9 ЛЕТ! СИНИЯ КЕПКА! КОЛЛЕКЦИЯ КАМНЕЙ! НАГРАДА!Эмин стоял рядом с самокатом и улыбался во весь рот.

— Меня зовут Али Мамедов, — сказал мальчик и встал, все еще прижимая к себе Балу. Балу теперь лежал у него на руках, как будто так и надо, и только тяжело дышал от счастья. — Мне девять лет. Мы с мамой только две недели как переехали в Баку из Гянджи. Папа тут работу нашел, на заводе, тут, в Белом Городе, краны красит. Мы живем вон там, — он показал рукой на желтый дом за парком, высокий, новый, с балконами, где висело белье всех цветов радуги — красное, синее, зеленое, как флаги. — На восьмом этаже, в 84-й квартире. Оттуда весь Хатаи видно. И море видно, если на цыпочки встать на балконе. И весь Баку видно. А я...-он говорил быстро-быстро, как будто боялся, что его перебьют, как будто хотел рассказать все сразу, за две недели молчания в новом городе, где у него еще не было друзей.— Я утром поехал в зоомагазин за кормом. Балу только два месяца, ему специальный корм нужен, для щенков, маленький. Я поставил корзинку у двери магазина на одну секунду, вот на одну секунду, чтобы достать деньги из кармана... а мимо проехал мотоцикл, громко так, ба-бах! Балу испугался и

выпрыгнул. И побежал. Я побежал за ним, но он маленький, а я... я в толпе его потерял. Я искал его с десяти утра. Я весь Хатаи обошел. Я весь проспект Нобеля обежал. Я в Белом Городе все стройки обежал. Я думал, он на дорогу выбежал, а там машины... Я маме боялся сказать... Она на работе, в чайхане посуду моет, она сказала, чтобы я Балу не оставлял...Голос у него снова задрожал, но Балу лизнул его в нос, и он снова улыбнулся.

— А я Камиля, — сказала Камиля. — Камиля Ализаде. Я живу в Сабаильском районе, на улице Самеда Вургуна. У меня есть кот Серый. Он серый, и тигровые полоски на боках, как у маленького тигра, а на груди — белое пятнышко в форме сердца. И у меня есть розовый велосипед, самый быстрый во дворе. А это мои друзья — Лейла и Эмин. Мы — отряд «Город в кедах». Мы ищем приключения в Баку. И вот нашли тебя.

— И находим, — добавила Лейла и показала Али блокнот, где было написано большими буквами: ДЕЛО 2 ЗАКРЫТО. НАЙДЕН АЛИ МАМЕДОВ, 9 ЛЕТ, ХОЗЯИН БАЛУ. ХАТАИНСКИЙ РАЙОН. СТАТУС: ДРУЗЬЯ.

Али посмотрел на них и вдруг засмеялся. Сначала тихо, потом громко, во весь голос, на весь гаражный кооператив.

— Город в кедах? — переспросил он. — Классно! У меня тоже кеды есть. Только у меня шнурок порвался сегодня, когда я за Балу бежал. —Смотри!Он показал кроссовок, где шнурок действительно был порван.

Эмин тут же сел рядом и начал показывать, как надо завязывать шнурки, чтобы они не развязывались. Это был его фирменный узел, которому его научил дедушка, который служил на флоте. Двойной морской.

Мама Насиба стояла рядом и смотрела на них. На четверых детей, которые сидели на ящике из-под помидоров в Хатаинском районе, за гаражами, и на одного рыжего щенка, который объединил Сабаильский и Хатаинский районы. Два района Баку, которые казались такими разными — один старый, как дедушка, другой новый, как строитель — а оказались соединены одним рыжим ухом, которое висело.

— Али, — сказала мама Насиба мягко. — А твоя мама знает, где ты? Она, наверное, волнуется. Уже почти шесть.

Али кивнул и сразу стал серьезным, взрослым.

— Да, я ей позвонил в обед, сказал, что ищу. Она на работе, в чайхане, там, в парке. Она сказала, чтобы я до шести был дома. А сейчас уже... — он посмотрел на большие электронные часы на доме напротив, которые показывали время и температуру. — Ой, уже 17:45!

— Нам тоже пора, — сказала Камиля. — Нас Серый ждет. Он, наверное, уже всю квартиру обыскал и решил, что мы переехали в Хатаи.

Они встали. Али крепко держал корзинку с Балу. Балу уже снова уснул, утомленный приключениями, и только сопел, положив голову на руку Али. Одно ухо-антенна торчало наружу, как будто слушало город.— Спасибо вам, — сказал Али тихо, но так серьезно, как говорят взрослые мужчины, когда им действительно важно и когда они не хотят плакать. — Я думал, я его больше никогда не увижу. Я думал, все. Спасибо, Камиля. Спасибо, что ты его не бросила на бульваре. Спасибо, что привезла.

Камиля почувствовала, как щеки у нее становятся красными. Не от солнца Хатаи, а от чего-то другого.

— А хочешь, — вдруг сказал Али и посмотрел на Камилю с надеждой, с такой надеждой, с какой смотрят, когда очень-очень хотят друга в новом городе, где у тебя еще никого нет, — хочешь, вы будете друзьями Балу? Официальными? Друзьями на всю жизнь? Можете приходить к нам в гости в Хатаи когда захотите. Моя мама печет самые вкусные шекербура в мире. Она из Гянджи, она умеет. И пахлаву и кяту. И еще у нас на восьмом этаже ветер такой сильный, что можно бумажные самолетики запускать с балкона и они летят до самого парка Ахмедлы, честно! И я вам покажу, где тут можно на велике кататься. Тут за Белым Горо-

дом, где был завод Нобеля, есть огромная площадка, где раньше нефть хранили. Там асфальт гладкий-гладкий, как стекло, как в Сабаильском, только больше. Можно разогнаться быстрее ветра. Быстрее хазри! Быстрее гилавара!

— Быстрее ветра! — крикнули хором Камиля и Эмин. Это были их самые любимые слова в мире. Быстрее ветра — это значило, что ты свободен.Лейла тут же записала в блокнот: «Новая локация для гонок: площадка в Хатаи, Белый Город, за заводом Нобеля. Асфальт как стекло. Проверить в субботу. Взять секундомер».

— Мы придем! — сказала Камиля. — Обязательно придем! В следующую субботу! Приедем на великах! Я покажу тебе Сабаильский, а ты нам — Хатаинский!

— И я к вам приеду! — сказал Али, и глаза у него заблестели. — Мама обещала мне самокат купить, если я буду хорошо учиться! Я к вам в Сабаильский приеду! На Самеда Вургуна!Они обменялись номерами телефонов, которые продиктовала мама Насиба. Али аккуратно записал их на бумажке от чека из зоомагазина, которую он все это время держал в кармане, сжимая, пока искал Балу. Бумажка была мокрая от его ладони.Потом они попрощались. Долго махали руками. Али пошел в сторону желтого дома, неся корзинку с Балу, который проснулся и смотрел на Камилю через плетеную стенку своими карими глазами. Камиля, Лейла, Эмин и мама Насиба пошли в сторону остановки, где уже ждал автобус номер 21.На остановке Камиля обернулась. Али уже был далеко, маленькая фигурка в синей кепке, которая опять падала на глаза. Но он тоже обернулся и помахал рукой, высоко-высоко. И Балу, кажется, тоже помахал своим рыжим ухом-антенной, которое торчало из корзинки.Автобус обратно ехал быстрее. Или так казалось, потому что они уже не волновались. Камиля сидела у окна и держала на коленях пустой шлем. Внутри шлема лежала одна маленькая рыжая шерстинка Балу. Она ее сохранила. На память о Хатаинском районе.

Лейла писала в блокноте, не переставая: «Вывод по Хатаинскому району: Хатаинский район — это район, где теряют и находят. Где много новых домов, белых, как сахар, но люди в них добрые и помнят всех собак. Где пахнет краской и хлебом и чаем из чайханы. Где живет мальчик Али и щенок Балу, у которого одно ухо висит.

Статус: ДРУЗЬЯ НАВСЕГДА. P.S. Коллекцию камней Али не дал. Сказал, что дружба дороже».Эмин спал, прислонившись к окну плечом, и его самокат тихо позвякивал в автобусе из Хатаи в Сабаильский.Дома их ждал Серый. Он сидел на том же подоконнике. Форточка больше не хлопала. Хазри совсем уснул. Он посмотрел на пустую корзинку, потом на Камилю. Долго-долго смотрел своими зелеными глазами, в которых отражался весь Баку — и Сабаильский, и Хатаинский.Камиля подошла и взяла его на руки. Он был тяжелый, теплый, главный в доме. И немножко ревнивый.

— Мы нашли его, — прошептала она ему на ухо, почесывая за ухом, там, где он любил больше всего, где у него было белое пятнышко. — Его зовут Али. Ему девять, как мне. Он хороший. Он живет в Хатаи, на восьмом этаже, в 84-й квартире. У него есть Балу. И теперь у нас есть друг в Хатаинском районе. И еще один повод кататься на велике быстрее ветра.Серый посмотрел на нее, потом на пустой шлем, где еще пахло щенком. Потом медленно, очень медленно моргнул. На кошачьем это означало: «Молодец, человек. На этот раз ты все сделала правильно. Но в следующий раз, пожалуйста, без собак в моем шлеме. И без луж в коридоре».А потом он, впервые за весь этот долгий, особенный день, который начался с ветра в волосах в Сабаильском районе и закончился дружбой в Хатаинском районе, лег у нее на коленях, свернулся в серый клубок с белым сердечком на груди и замурчал. Тихо, низко, как старый трактор дяди Рафика из гаража, как автобус номер 21, как весь Баку, который засыпал.

За окном Баку зажигал огни. Тысячи огней. В Сабаильском, где тетушка Севда уже сняла все белье, в Насиминском, в Наримановском и в Хатаинском тоже, где в Белом Городе светились окна новостроек. Где-то там, далеко, в желтом доме на восьмом этаже, в 84-й квартире, мальчик в синей кепке, которая была ему велика, тоже смотрел на огни города и обнимал

рыжего щенка с одним стоячим ухом и одним висячим. И, наверное, думал о девочке с пшеничной косичкой, с царапиной на коленке и с самым быстрым розовым велосипедом во дворе на улице Самеда Вургуна. И о том, что завтра они снова встретятся, потому что Баку — это один большой двор, где все друг друга находят.

День и правда оказался особенным. Таким особенным, каким бывает только в Баку, когда утром тебя будит хазри, днем ты находишь объявление, приклеенное к мокрому асфальту, а вечером находишь друга на другом конце города. И Камиля поняла, что ее приключения в городе в кедах только начинаются. Ведь в Баку еще столько районов — Ясамальский, Наримановский, Низаминский, Сураханский, ... Столько улиц, столько ветров, столько гаражей, где можно найти друга, и столько корзинок с рыжими ушами, которые ждут, чтобы их нашли.А на подоконнике Серый уже спал и видел во сне, что он — большой тигр, а не просто кот с белым сердечком на груди. И что завтра снова будет ветер в волосах.

Ветер,который уносит ноты

В субботу утро началось не с форточки. Оно началось с Серого.

Серый сидел на Камилином розовом шлеме. Прямо в центре. Как будто шлем - это его трон, а не шлем. И смотрел на Камилю так, как будто говорил: «Человек, ты куда собралась? А я?»

В шлеме до сих пор лежала одна рыжая шерстинка Балу. Серый ее демонстративно не замечал. Но и не уходил.

— Серый, ну пожалуйста, — прошептала Камиля. — Сегодня важный день. Мы едем в Насиминский. Мы обещали Али.

Серый медленно моргнул. Это означало: «Ладно. Но верни мой шлем без собак, без луж и без чужих шерстинок».

В дверь уже звонили. Лейла и Эмин. И мама Насиба с двумя термосами — один с чаем, второй с компотом «на всякий случай, когда вы опять кого-нибудь найдете».

На телефоне мамы пиликнуло сообщение. От Али.

Приехали! Мы уже в Зимнем парке! Балу со мной! Он в новой синей кепке! Точнее кепка на нем, а не на мне!

Камиля рассмеялась. Балу в кепке.

Насиминский район встретил их совсем не так, как Хатаинский.

Если Хатаи пах будущим — краской и новым асфальтом, то Насими пах прошлым, которое никуда не уходило. Пах старыми книгами, горячим хлебом из тандыра, который пекут прямо у дороги на проспекте Азадлыг, и кофе из маленьких кофеен, где сидят дяди и спорят о футболе.

Тут не было белых кубиков-сахара. Тут были дома, где балконы держались друг за друга, как старые друзья. Где на веревках висело белье, и его было так много, что казалось, над улицей летят флаги. Где из каждого окна звучала разная музыка — у кого-то пианино, у кого-то телевизор, у кого-то кто-то учил гаммы на скрипке.

Зимний парк был огромным. Он был совсем не зимним. Летом тут все было зеленое, и фонтаны били вверх, и дети бегали босиком по траве, хотя мамы кричали «надень кеды!».

Али они увидели издалека. Синяя кепка теперь была на Балу. Точнее, Али пытался ее надеть на Балу, а Балу пытался ее съесть. Одно ухо у Балу все так же висело, второе стояло торчком, как антенна, которая ловила весь Баку.

— Камиля! — закричал Али и побежал так быстро, что кепка слетела и с него, и с Балу. — Вы приехали! Смотрите, какая тут площадка! Тут можно быстрее ветра!

Площадка и правда была гладкая, как стекло. Даже лучше, чем за заводом Нобеля.

Но покататься они не успели.

Рядом, на скамейке под чинарой, сидела девочка. Лет восьми. В черном платье, как у маленькой пианистки. На коленях у нее лежал открытый футляр со скрипкой, а сама девочка плакала. Так же тихо, как когда-то плакал Али в гаражах - чтобы никто не видел.

Лейла первая это заметила. У Лейлы был радар на тех, кто плачет тихо.

— План меняется, — шепнула она и открыла блокнот.

На новой странице блокнота она старательно записала:

ДЕЛО 3. ОПЕРАЦИЯ «СКРИПКА». МЕСТО: НАСИМИНСКИЙ РАЙОН.

Группа «Город в кедах» подошла к скамейке. Балу подошел тоже и положил голову девочке на кроссовок. Просто так. Потому что умел.

Девочка подняла голову. У нее были косички и очки, которые запотели от слез.

— Ты чего? — тихо спросила Камиля и села рядом на скамейку. Скамейка была горячая от солнца.

— Я... я потеряла смычок, — прошептала девочка и шмыгнула носом совсем как Али тогда. — У меня через час прослушивание в музыкальной школе. Вот тут, за углом, на улице Гоголя. Меня зовут Сара, мне восемь, я готовлю «Полет шмеля», а без смычка скрипка не играет. Это как велосипед без цепи. Папа мне его вчера купил, новый, с белым волосом. А я его положила сюда, — она показала на скамейку, — а потом побежала за мороженым, а тут ветер как подул сильно...и вот..-она развела руками.

В Насиминском районе ветер был другой. Не хазри, который бьет в лицо, а гилавар — теплый, южный, который все путает и уносит. Листья, пакеты, объявления и, как оказалось, смычки.

— Какой ветер? — сразу оживился Эмин. Он любил ветра, потому что на самокате с ветром быстрее.

— Гилавар, — сказала Сара и всхлипнула. — Он дунул, и пакет мой улетел. А в пакете был смычок. Белый пакет из магазина «Музыка». Он полетел вон туда, в сторону Кубинки.

Кубинка. Старый базар в Насиминском, где продают все на свете — от гаек до старых пластинок. Лабиринт из узких проходов, где можно заблудиться за две секунды.

Мама Насиба посмотрела на часы. До прослушивания — 55 минут.

— Так, — сказала она тем самым голосом, которым говорят мамы, когда начинается операция. — Группа поиска «Город в кедах» — слушает сюда. Камиля — на велике — объезжаешь фонтаны слева. Эмин — на самокате — справа. Лейла — опрашивает бабушек у фонтанов, они все видят. Али — ты с Балу — вы нюхаете. Балу же собака! Пусть ищет белый пакет.

Балу гавкнул, как будто понял. Хотя, может, он просто увидел голубя.

Насиминский район закружился.

Камиля летела на велике быстрее гилавара, заглядывая под каждую скамейку. Она увидела три белых пакета — в одном был хлеб, в другом — мусор, в третьем — чей-то кот, который очень удивился.

Эмин грохотал самокатом по плитке Кубинки, крича: «Белый пакет! Кто видел белый пакет с палочкой?!» Продавцы качали головами, но один дядя, который продавал старые книги, сказал: «Пакет? Белый? Летел, да. Как птица. В сторону Тезе Базара улетел. Туда гилавар все уносит».

Лейла нашла главную свидетельницу — тетушку с коляской, которая сидела у фонтана.

— Пакет? — сказала тетушка. — Видела. Белый, из «Музыки». Его ветром подняло и понесло прямо в книжный развал. Там мальчишки в шахматы играют, они его поймали, думали, там самса.

Книжный развал в Насиминском — это место, где на земле лежат книги. Тысячи книг. И пахнет там пылью и приключениями.

Они побежали туда все вместе. Даже мама Насиба, даже с термосами.

И там, на стопке книг «Азербайджанские сказки», лежал он. Белый бумажный пакет. Чуть порванный ветром. А из него торчал кончик. Деревянный, с белым волосом.

Сара, которая бежала за ними и держала пустой футляр, как будто держала котенка, увидела пакет и остановилась.

— Это... это он? — прошептала она.

Балу первым добежал до пакета, понюхал и чихнул. Очень громко и очень решительно.

Али аккуратно достал смычок. Он был цел. Только чуть пыльный.

Сара взяла его двумя руками, как берут что-то очень хрупкое и очень дорогое. Потом обняла футляр, смычок, пакет и Камилю одновременно.

— Спасибо, — прошептала она в Камилину косичку. — Я думала, все. Я думала, я не попаду. А у меня мама в первом ряду сидеть будет.

— Так, — сказала Лейла и записала в блокнот: НАШЛИ СМИЧОК. САРА, 8 ЛЕТ, УЛИЦА ГОГОЛЯ, МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА. ГИЛАВАР — ВИНОВАТ, НО И ПОМОГ. СТАТУС: ДРУЗЬЯ.

— А хотите, — сказала Сара, вытирая очки, — хотите, я вам сыграю? Прямо сейчас? Тут, в парке? Пока до прослушивания есть время? Я «Полет шмеля» выучила. Он быстрый-быстрый, как будто на велике летишь быстрее ветра.

Она достала скрипку. Маленькую, блестящую.

И в Насиминском районе, посреди Зимнего парка, где пахло книгами и хлебом, где гилавар качал чинары, заиграла музыка. Быстрая-быстрая, как будто сто шмелей летели наперегонки. Как будто Камиля на розовом велосипеде, Эмин на самокате, Али с Балу в синей кепке и Сара со скрипкой — все летели вместе быстрее ветра.

Люди вокруг остановились: дяди перестали играть в нарды, тетушка с коляской начала хлопать в такт. А один маленький мальчик начал кружиться вокруг фонтана.

Мама Насиба стояла и улыбалась.

Когда Сара доиграла, она поклонилась, как настоящая артистка. А потом сказала:

— Приходите ко мне на прослушивание! А потом я вам покажу, где тут в Насиминском самый вкусный кекс с изюмом продают. На Тезе Базаре. И где можно книги менять. У меня там абонемент.

— Мы придем! — хором сказали Камиля, Али, Лейла и Эмин. — Обязательно!

На часах было 15:30. До прослушивания Сары оставалось полчаса. Они пошли все вместе провожать ее до музыкальной школы на улице Гоголя. Балу шел рядом и нес в зубах синюю кепку Али. Гордо. Как будто это был его собственный трофей.

У дверей музыкальной школы Сара обернулась.

— А знаете, — сказала она, — в Насиминском районе говорят, что гилавар уносит только то, что должно найти новых друзей. Так моя нэнэ говорит.

Камиля посмотрела на Али, на Лейлу, на Эмина, на Балу с кепкой в зубах и поняла, что нэнэ Сары права.

Вечером дома Серый все еще сидел на шлеме. Он посмотрел на пустую корзинку, потом на Камилю, которая вернулась пыльная, с веткой чинары в волосах и с программкой из музыкальной школы, где от руки было написано: «Саре — 5+! Спасибо друзьям из Города в кедах!»

Камиля взяла Серого на руки. Он был теплый и тяжелый.

— Мы нашли смычок, — прошептала она ему. — В Насиминском. Его зовут Сара. Ей восемь. Она играет быстрее ветра.

Серый посмотрел на программку, потом на шлем, где все еще лежала рыжая шерстинка Балу. Потом вздохнул и, впервые за три дня, лег не на шлем, а рядом с ним. И замурчал. Тихо, как скрипка, когда на ней играют гамму.

За окном Баку зажигал огни. В Сабаильском, в Хатаинском и в Насиминском тоже, где в Зимнем парке фонтаны светились синим, а в музыкальной школе на улице Гоголя маленькая девочка в черном платье играла «Полет шмеля» быстрее ветра.

А в блокноте у Лейлы появилась новая запись:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.